

В.С. Савельев

**СЛОВО САМЪ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ ГЕРОЕВ
«ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье на материале непереводаемых диалогических фрагментов «Повести временных лет» анализируется использование слова *самъ* в высказываниях летописных героев. Излагаются теоретические основания исследования, базирующиеся на выводах исследователей об особенностях функционирования слова *сам(ъ)* в древнерусских памятниках и современном русском языке. Устанавливаются значения, выражаемые словом *самъ* в летописных высказываниях. Обнаруживается, что все случаи использования слова *самъ* в летописных высказываниях связаны с контрастным его употреблением, при этом данное слово образует тему или рему высказывания или занимает позицию коммуникативно выделяемого компонента. Отмечается крайне редкое использование слова *самъ* в приименной позиции. Основными выводами исследования становятся установление зависимости использования слова *самъ* от коммуникативных целеустановок летописного героя выразить то или иное дополнительное значение, связанное с коммуникативным значением контраста, а также определение традиционного характера использования слова *сам(ъ)* в русском языке.

Ключевые слова: «Повесть временных лет»; непереводаемые диалогические фрагменты; прямая речь; слово *самъ*.

В русском языке есть слова, описанию которых посвящено значительное количество работ, но при этом актуальность их изучения меньшей не становится. Одним из них является слово *сам(ъ)*.

Использование слова *сам* на материале современного русского языка описано в работах [Борисова, 1990; Кибрик, Богданова, 1995; Урысон, 1995; Кибрик, 1996; Янко, 2001; Лютикова, 2002], в которых представлены различные типологии употребления этого слова.

Е.Г. Борисова, анализируя примеры использования слова *сам*, выделяет четыре его значения: 1) «в предложениях *Сделай сам; Не*

Савельев Виктор Сергеевич — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: alfertinbox@mail.ru).

трогай его — он сам все поймет и аналогичных слово *сам* имеет значение “без посторонней помощи”»; 2) «в примерах *Тебя зовет сам начальник, Его в самой Москве хорошо принимали* и т.п. ... местоимение *сам* употребляется для подчеркивания особого положения человека (или объекта, места и т.п.) в иерархии»; 3) «в примерах *Сам-то он еще ничего, а вот его семья...; Вы живете в пригороде или в самой Москве?* ... речь идет о противопоставлении множества и его части, причем последняя представляется как выделенная, наиболее представительная часть множества»; 4) «в примерах *Кто разбил Петину чашку? — Сам Петя; Мне это не нравится — Я и сам возмущен* характерной ... является выделенная позиция слова, к которому относится местоимение *сам*, и актуализованность понятия, обозначенного этим словом» [Борисова, 1990: 118, 119]. Исследователь указывает, что значения 1 и 2 являются номинативными, в то время как «и в третьем, и в четвертом значениях местоимения *сам* мы сталкиваемся с элементами значения коммуникативного типа: в обоих случаях это информация о выделении, а в четвертом значении это также и сведения об актуализованности» [Борисова, 1990: 119].

В исследовании А.Е. Кибрика и Е.А. Богдановой представлено «функциональное, когнитивно ориентированное описание употребления лексемы *сам* ... в различных синтаксических контекстах» [Кибрик, Богданова, 1995: 28]. В результате на материале примеров приименного употребления слова *сам*¹ устанавливаются его «базовые значения», при этом оказывается, что они связаны с особенностями словоупотребления: постпозитивное *сам* выражает значения: 1) **добавляющее *сам*** — «неформально может быть описано как “ТАКЖЕ И X”» («Напрасно графиня, испуганная иступлению его страсти, хотела противуставить ей увещания дружбы и советы благоразумия, она / *сама* [и она также, она тоже] ослабевала. (А.С. Пушкин)»); 2) **контрастивное *сам*** — «может быть условно определено как “ИМЕННО X”» («А: — А сказывал он вам имя этого повесы? В: — Нет, ваше сиятельство, не сказывал... Ах! ваше сиятельство... Уж не вы ли?... А: — Я \\ *сам* [ср.: именно я] ... (А.С. Пушкин)»); 3) **самостоятельное *сам*** — «примерно соответствует выражению “X САМОСТОЯТЕЛЬНО”» («Но Марья Гавриловна \\ *сама* в беспрестанном бреду высказывала свою тайну (А.С. Пушкин)»); препозитивное *сам* выражает значения: 4) ***сам* неожиданное** — «значение выражения “сам X” может быть неформально названо “ДАЖЕ X”» («Как все вчера гуляли! *Сам* Петров [ср.: даже Петров] напился»); 5) ***сам* дискурсивное** — «стоит несколько особняком: оно не всегда может быть реализовано в пределах одного предложения и действует скорее на уровне текста.

¹ В случае приименного употребления «*сам* находится в составе именной группы, являясь определителем при ее вершине. Например: ... (2) Ах, обмануть меня не трудно!.. [Я *сам*] обманываться рад!.. (А.С. Пушкин)» [Кибрик, Богданова, 1995: 28].

Сам ДИСК акцентируется противопоставительно и может быть сопоставлено с другой дискурсивной единицей — частицей *же*: “сам X” — “X ЖЕ”» («Бухгалтер обомлел, съезжился и сделал такой вид, как будто и самое [самНЕОЖ] слово “Варьете” он слышит впервые, а \сам [он] подумал: “Ну и ну!..” (М.А. Булгаков)») [Кибрик, Богданова, 1995: 30–35]².

Особенностью системы описания, представленной в работе Т.Е. Янко, является выведение «подзначений слова *сам* из семантического комплекса “инвариант плюс контекст”» [Янко, 2001: 281]. Описывая инвариантное значение *сам*, исследователь отмечает, что «*сам* может использоваться для **преодоления инерции эмпатии** говорящего: ... для возврата к X-у, который уже был центральным действующим лицом ситуации, а затем передал бразды правления Y-у, требуются специальные средства. Слово *сам* восстанавливает X-а в правах центрального исполнителя роли R»³ [Янко, 2001: 283]. При этом «толкование слова *сам* имеет пересечение с определением коммуникативного контраста (ср. *Вася \, а не Маша* и *Сам Вася, а не Маша*), предполагающего рассмотрение контрастно выделенного компонента на фоне других, подобных ему, и эмфатического выделения, за которым стоит некая иерархия ценностей (ср. *Пришел президент!* и *Сам президент!*)» [Янко, 2001: 281, 282]⁴.

Т.Е. Янко устанавливает типы контекстов лексемы *сам*, выделяя среди них локальные употребления (для их «интерпретации не требуется выхода за пределы предложения»): 1) «собственно эмфатическое *сам*» («*Сам министр приехал на заседание!*»), 2) «адвербиальное *сам*» («2.1. *Сам* в отсутствие внешней каузации: *Я сам знал, что легкая жизнь скоро кончится* ... 2.2. *Сам* в отсутствие посторонней помощи:

² В работе также приводятся подробные толкования каждого из значений, включающие две части — «состояние ожиданий адресата» и «инструкция адресату о коррекции ожиданий».

³ Автором приводятся и анализируются примеры «*Наш больной (X) думает, что на портрете изображен Наполеон (Y), а в действительности это сам больной (X)*», «*Вот Васина (X) жена (Y), а вот — сам Вася (X)*», «*Пройдя мимо экипажа (Y) Кутузова (X), князь Андрей вошел в сени. Сам Кутузов (X) находился в избе с князем Багратионом*» [Янко, 2001: 283].

⁴ Ср. с определением **ядра базовых значений лексемы *сам*** А.Е. Кибрика и Е.А. Богдановой: «Базовые значения лексемы *сам* <...> относятся к одной и той же дискурсивной задаче говорящего: сфокусировать внимание адресата на том, что говорящий знает, что информация об Л-е в текущем сообщении противоречит ожиданиям (знаниям) адресата и что в знания об Л-е необходимо внести соответствующее исправление» [Кибрик, Богданова, 1995: 35], и определением **семантического инварианта интенсификаторов**, в том числе и слова *сам*, Е.А. Лютиковой (Е.А. Богдановой): «Базовые значения интенсификаторов имеют много общего. Употребление интенсификатора отвечает дискурсивной задаче говорящего сфокусировать внимание адресата на том, что информация об X-е в текущем сообщении противоречит ожиданиям (знаниям) адресата и что в знания об X-е необходимо внести соответствующее исправление» [Лютикова, 2002: 49].

Я сам починил машину ... 2.3. Сам отказа от делегирования прав и обязанностей: *Я сам поеду в Саратов»*); контрастивные употребления (употребления данного типа «представляют переходную область между локальными и дискурсивными употреблениями, потому что противопоставление ... может быть эксплицитно выражено в контексте, ... а может и подразумеваться»): 3) «сам контрастивное» («*Это был я сам*»); дискурсивные употребления (для их «интерпретации требуется выход за пределы предложения»): 4) «сам иерархической интродукции» («*Вот Васина жена ..., а вот сам Вася*»); 5) «сам инклюзивное (= “тоже”» («*Ибрагим полюбил графиню, она сама ослабевала*»); 6) «сам возврата темы» («*Васина жена любит Ибрагима, а сам Вася — графиню*»); 7) «сам говорящего» («*Мы сами не местные*»); 8) «сам в сравнительных конструкциях» («*Она несет батон такого же размера, как она сама*»); 9) «сам деонтическое» («*Обещал остаться, а сам уехал*»)⁵. Отдельно рассматривается 10) «составной рефлексив сам себя» («*Унтер-офицерская вдова сама себя высекла*») [Янко, 2001: 286, 287].

Как мы видим, разноаспектные истолкования особенностей функционирования слова *сам* в современном русском языке оказываются невозможными без признания коммуникативной обусловленности использования этой лексемы: она «принадлежит к так называемым дискурсивным лексическим элементам ... Причина “неуловимости” их значений кроется в их функциональной природе. Эти элементы участвуют не столько в построении денотативного слоя смысла высказывания, сколько в “привязывании” этого смысла к ситуации акта речи» [Кибрик, Богданова, 1995: 28]; *сам* относится к словам *контраста*, «семантика которых конструирует ограниченное множество возможностей, известных говорящему и слушающему, на фоне которых рассматривается текущая возможность, и из которых производится выбор, а все остальные возможности отбрасываются» [Янко, 2010: 138].

Рассмотрение слова *самъ* в коммуникативном аспекте на историческом материале обнаруживается в работе А.А. Зализняка, относящего *самъ* к «начальным» словам, после которых образуется факультативный барьер: с одной стороны, эти слова «относятся по смыслу ко всей остальной части фразы в целом», с другой — «соотнесены по смыслу с предшествующей фразой (например, по схеме: “он сделал то-то, а я — то-то”, или “возможно, произойдет то-то, тогда сделай то-то”, или “меня извести, а сам сделай то-то”, и т.п.)» [Зализняк, 2008: 56], при этом «выделение или невыделение начального слова (или словосочетания) клаузы с помощью факультативного

⁵ «При деонтическом употреблении *сам* в роли Y-а выступает сам X, взятый в особой ипостаси. При сравнении X-а, каков он есть, с таким, каким ему следует быть, используется субстантивное *сам*» [Янко, 2001: 303].

барьера зависит от интенции говорящего (пишущего)» [Зализняк, 2008: 94]. К «мотивам, по которым выделяется начальное слово», относятся «противопоставление или эмфаза», «соотнесенность в более широком смысле», «прочие случаи выделения темы», «выделение обстоятельства» [Зализняк, 2008: 56, 57]. Конструкции с *самъ*, рассмотренные А.А. Зализняком, относятся к примерам, для которых «мотивом выделения» является «соотнесенность в более широком смысле», при этом начальное слово, после которого обнаруживается факультативный барьер, образует тему высказывания [Зализняк, 2008: 95–97].

Таким образом, использование *сам(ъ)* в древнерусском и современном высказывании напрямую связано с необходимостью создания коммуникативной структуры определенного типа, в которой *сам(ъ)*, будучи используемым самостоятельно или в сочетании с другим словом, занимает позицию члена предложения, который должен быть — по той или иной причине — коммуникативно выделен.

Насколько функционирование древнерусского *самъ* соотносимо с использованием *сам* в современном русском языке? Попробуем хотя бы частично ответить на этот вопрос, сопоставив высказывания с *самъ* героев «Повести временных лет»⁶ с «типами контекстов», выделяемыми Т.Е. Янко при описании употребления *сам* в современных высказываниях.

Как показал анализ, все случаи использования *самъ* в летописных высказываниях⁷ связаны с **контрастным** его употреблением, при этом *самъ* образует тему или ремю (далее — Т или Р) высказывания или занимает в их составе позицию **коммуникативно выделяемого компонента**⁸ — компонента темы или ремы, об особом коммуникативном статусе которого свидетельствует наличие определенных средств его

⁶ Выбор в качестве объекта исследования непереводаемых диалогических фрагментов связан с тем, что в них изображается устная речь древнерусских коммуникантов, структурные особенности которой могут быть выявлены при анализе их реплик.

О принципах отнесения диалогических фрагментов летописи к непереводаемым см. [Савельев, 2021: 34–41].

О принципах определения коммуникативной структуры летописных высказываний см. [Савельев, 2021: 367–378].

В качестве материала исследования использовался текст «Повести временных лет» по Ипатьевскому списку Ипатьевской летописи, воспроизведенной в издании [ПСРЛ, 1908]. При разбивке текста на предложения и расстановке пунктуационных знаков, отсутствующих в летописи, использовались данные академического издания [Повесть временных лет, 1950], подготовленного Д.С. Лихачевым, а также изданий [Бугославский, 2006] и [Повесть временных лет, 2000]. В скобках после примера указывается год, под которым помещен цитируемый фрагмент (по принятому в летописи византийскому летосчислению и летосчислению от Рождества Христова).

⁷ В 323 непереводаемых диалогических фрагментах обнаружено 23 случая использования *самъ* в высказываниях персонажей.

⁸ Далее используются сокращения: ВКТ — коммуникативно выделяемый компонент темы, ВКР — коммуникативно выделяемый компонент ремы.

выделения⁹. При этом, как оказалось, летописные высказывания с *самъ* могут быть определены как относящиеся к типам контекстов с локальными и дискурсивными употреблениями этого слова¹⁰.

Локальные употребления¹¹

Адвербиальное *самъ*:

– отсутствие внешней каузации:

<1> І рѣ Дѣдъ къ Стѣполку: (1) «(1.1) Видиши ли: (1.2) не помнишь тебе, (1.3) ходѣ в рѣку твою? (1.4) Аще ли видеть въ свою волость, (1.5) самъ (ВКР) оузриши (Р), (1.6) аще ти не занимаетъ городовъ твоихъ <...> (1.7) Да поманеши ма <...>» (6605 / 1097) — речевая стратегия кн. Давыда состоит в моделировании предполагаемых в настоящем и будущем сенсорных действий и ментальных состояний собеседника (видиши — оузриши — поманеши) в соединении с «навязанными» ему своими оценками событий; говорящему важно создать видимость объективности оценки ситуации, именно поэтому в (1.5) внимание собеседника фокусируется на том, что он увидит происходящее *сам(остоятельно)* (корректировка ожиданий адресата: «это твоя собственная информация: никто не заставляет тебя это “увидеть”»);

– отсутствие посторонней помощи:

<2> Федоси же рѣ: (1) «(1.1) Положите хлѣбъ предъ нимъ (1.2) и не вкладайте в рѣчь ему, (1.3) атъ самъ (ВКР) гать (Р)» (6582 / 1074) — внимание собеседника фокусируется на том, что субъект должен совершать действие *самостоятельно* (корректировка ожиданий адресата: «не вы его кормите, а пусть он сам ест»);

– отказ от делегирования прав и обязанностей:

<3> Ипочаша гости первое сами, потом же и печенѣзѣ. И оудивишася, рекоша: (1) «(1.1) Не имуть сему вѣры наши князи, (1.2) аще не гадать сами (ВКР) (Р)» (6505 / 997) — (1.2) представляет собой косвенный речевой акт с иллокутивной функцией «прескрипция» («*Пусть (наши князья) ядят сами*»); внимание собеседника фокусируется на том, что действие должен совершить не говорящий, а другой субъект (корректировка ожиданий адресата: «должны не мы есть, а наши князья»).

Дискурсивные употребления¹²

Самъ иерархической интродукции:

<4> И еще живу сущю ему, наряди сны своа, реки имъ: (1) «<...> (1.1) Вы, (Обращение) снѣвъ мои, (1.1) имѣйте межн собою любовь

⁹ Подробнее о коммуникативно выделяемых компонентах (в том числе историю вопроса и обзор работ, в которых указываются средства выделения ВКТ и ВКР в древнерусском высказывании) см. [Савельев, 2021: 393, 394].

¹⁰ Приводится по одному примеру на каждый тип.

¹¹ Высказывания с «собственно эмфатическим *сам*» не обнаружены.

¹² Высказывания с «*сам* говорящего» и «*сам* в сравнительных конструкциях» не обнаружены.

<...> (1.2) Да аще будете в любви меж собою, (1.3) и Бѣ́ будетъ в васъ (1.4) и покорить вы противныа подь вы. <...> (1.5) Аще ли будете ненавистно живуще <...> (1.6) то и сами (ВКР) (Р) погивнете (Т), (1.7) и землю щѣ своихъ и дѣдъ (Р) погубите (Т) <...>» (6562 / 1054) — несмотря на то что *сами* соотносится с темами предшествующих высказываний (упоминаются сыновья кн. Ярослава), сегмент *то и сами* следует оценить как рему: актуально сообщение о том, что будущая катастрофа коснется всех — и самих участников усобиц, и земли их рода; при этом *сами* выбирается как такой способ номинации, который позволяет сфокусировать внимание на месте адресата, занимаемом им по отношению к субъектам, названным в (1.7); темы (1.6) и (1.7) соотносятся с (1.3) и (1.4) — высказываниями, в которых дается благоприятный прогноз в случае осуществления (1.2) (корректировка ожиданий адресата: «не стоит рассчитывать на победу в усобице: победивших не будет»).

Самъ инклюзивное:

<5> Дѣдъ же на Стѣполка нача извѣтъъ творити, гл҃а: (1) «(1.1) Ци га се створилаъ, (1.2) ци ли оу моемъ городѣ? (1.3) Идътъ (Т) и самъ (ВКР) вогалъса (Р), (1.4) аще выша и мене не гали (1.5) и створили то же <...>» (6605 / 1097) — тема (1.3) называет тот же субъект, что и в (1.1) и (1.2); использование *самъ* в реме (1.3) позволяет говорящему солидаризироваться с кн. Василько и, следовательно, уйти от обвинений в злодеянии (корректировка ожиданий адресата: «говорящий не преступник, а жертва: с говорящим могли поступить так же вероломно, как и с кн. Василько»).

Самъ возврата темы:

<6> И <...> рѣе имѣ: (1) «(1.1) Живете всеоѣ, (1.2) поставлю вы и г҃умена, (1.3) и самъ (ВКТ) (Т) хощю въ ину гору състи шдинъ (Р) <...>» (6559 / 1051) — несмотря на то что агенсом (1.2) является говорящий, центральную роль в субъектной перспективе (1.2), как и в (1.1), играют собеседники, о будущей жизни которых идет речь; в (1.3) говорящий перекладывает внимание на *свою* будущую жизнь при помощи слова *самъ* (корректировка ожиданий адресата: «теперь речь пойдет не о вас, а обо мне»).

Самъ деонтическое:

<7> Володимиръ же рѣе: (1) «(1.1) То како вы инѣхъ оучите, (1.2) а сами (ВКТ) (Т) ѡвѣржени ба (Р)? <...>» (6494 / 986) — тема (1.2) называет тот же субъект (=адресат), что и дейктик *вы* в (1.1); рема (1.2) описывает состояние этого субъекта, входящее в противоречие с его деятельностью, упомянутой в (1.1); слово *сами* фокусирует внимание на этом противоречии, «предвосхищая» описание того негативного признака, который и служит основанием «развенчания» деятельности субъекта (корректировка ожиданий адресата: «являясь одновременно субъектом действия (1.1) и состояния (1.2), говорящий нарушает норму»).

Самъ в составном рефлексиве:

<8> **И иде въ варагы, и приде въ Римъ, исповѣда, елико наоучи и елико видѣ, и рече имъ:** (1) «(1.1) <...> **И тако творатъ по вса дни** (1.2) **не мучими никым же,** (1.3) **но сами (ВКР) са (Р) мучать (Т) <...>**» — тема (1.3) соотносится с (1.2); рема (1.3) называет субъект, противопоставленный субъекту (1.2) (корректировка ожиданий адресата: «субъектом действия является не кто-то другой, что было бы нормально, а тот, о ком речь шла раньше») ¹³.

Итак, соотнесение высказываний со словом *самъ* и соседствующих с ним высказываний показывает, что в каждом из рассмотренных случаев *самъ* играет в коммуникативной структуре такую роль, которая свидетельствует об особой выделенности этого компонента.

Обращает на себя внимание то, что в летописной прямой речи *самъ* крайне редко используется в **приименной позиции** ¹⁴; исключением служат <5> и <9>:

<9> **Вна же рече:** (1) «(1.1) **Како ма хощеши помати <...>? (1.2) А въ крѣтъянѣхъ того нѣѣ закона,** (1.3) **а ты (ВКТ) (Т) самъ (ВКР) вѣси (Р)**» (6463 / 955) — *самъ* выражает значение «отсутствие внешней каузации» (ср. с <1>).

В обоих случаях *самъ*, формально соотносимое с подлежащим, образующим тему, входит в состав ремы, выражая значение, связанное с коммуникативным контрастом: в <9> говорящему важно указать на то, что знание принадлежит самому собеседнику, а не навязывается кем-то (при этом именно тему «*а ты*» можно подвергнуть эллипсису: *«**А въ крѣтъянѣхъ того нѣѣ закона — самъ вѣси**» — значение контраста сохраняется); в <5> следует также обратить внимание на наличие в высказывании частицы *и*: данная проклитика занимает позицию перед *самъ*, маркируя начало новой коммуникативной составляющей — ремы ¹⁵.

В случае **не-приименного использования** лексема *самъ* является единственным лексическим средством выражения субъектного

¹³ Обращает на себя внимание использование слабой энклитики *са* в составе первой тактовой группы (=ремы), а не при глаголе в составе темы; таким образом, обнаруживается расхождение синтаксической и коммуникативной структур высказывания.

¹⁴ См. подробное описание на материале современного русского языка в [Кибрик, Богданова, 1995].

¹⁵ С другой стороны, нельзя исключить возможность иной оценки коммуникативной структуры (1.3) в <5>, допустив, что *азъ* не образует барьер, а подвергается вторичной проклитизе: коммуникативное выделение *азъ* в данном контексте неоправданно, зато имеет смысл выделение *самъ*, что вполне соотносится с наблюдением А.А. Зализняка об актуализации следующего за полупроклитикой слова («Можно предполагать, что ослабление начального слова путем его вторичной проклитизы ведет к переносу внимания на следующее за ним слово ...; иначе говоря, в таких фразах оказывается выделенным по смыслу полноударное слово, стоящее после полупроклитики» [Зализняк, 2008: 70]).

значения в высказывании. Однако, как показывает анализ летописной прямой речи, намного чаще в ней встречаются конструкции, в которых субъектное значение выражается исключительно грамматически — как формами 1 и 2 лица, так и формами 3 лица глаголов¹⁶, преимущественно императива и индикатива (<10> **И ркоша деревланне къ Волзѣ:** (1) «**Кдѣ сѹть друзѣ наши, нхъжѣ послахомъ по та?**» **Вна же рѣе:** (2) «**Идуть по мнѣ съ дружиною мѹжа моѣ**» (6453 / 945), <11> **И съзва цѣрь в полатѹ вогары свога и рѣе имъ:** (1) «**Что ствѣри?**» **Не можемъ стати противѹ емѹ.** **И ркоша емѹ вогаре:** (2) «**Посли к немѹ дары <...>**» (6479 / 971), <12> **Стѹполкъ же <...> рѣе имъ:** (1) «**Приаѣте ли мнѣ всимъ срѣцмъ?**» **И рѣе Пѹтыша:** (2) «**Можемъ головы своѣ с вышгородци положити**» (6523 / 1015) и под). Таким образом, примеры <1>–<4>, <6>, <8> показывают, что *самъ* используется в таких конструкциях, в которых его формально-синтаксическое употребление не только не является обязательным, но и, скорее всего, является маркированным.

В связи с этим использование слова *самъ* в высказываниях героев «Повести временных лет» следует признать обусловленным причинами, схожими с теми, что объясняют дистрибуцию а) полноударных словоформ дательного и винительного падежей личных местоимений 1 и 2 лица vs. форм местоимений-энклитик¹⁷, б) словоформ именительного падежа личных местоимений 1 и 2 лица в высказываниях с перфектом vs. энклитических форм вспомогательного глагола *быти*¹⁸: **слово *самъ* а) употребляется в тех случаях, когда в высказывании помимо субъектного значения должно быть выражено некоторое дополнительное значение, так или иначе связанное с коммуникативным значением контраста, вследствие чего слово *самъ* б) образует коммуникативную составляющую (тему или рему) или занимает позицию коммуникативно выделяемого компонента.** При этом, как оказалось, употребление слова *самъ* в высказываниях летописных героев соотносимо с тем, которое свойственно слову *сам* в высказываниях современного русского языка, что свидетельствует об устойчивом, традиционном характере функционирования *самъ* в русском языке.

Список литературы

1. *Борисова Е.Г.* Отражение коммуникативной организации высказывания в лексическом значении // Вопросы языкознания. 1990. № 2. С. 113–120.

¹⁶ В последнем случае существует ограничение: высказыванию с эллипсисом подлежащего должно предшествовать высказывание, в котором субъект назван лексически.

¹⁷ [Савельев, 2021: 396–398].

¹⁸ [Савельев, 2021: 398–400].

2. *Бугославский С.А.* Текстология Древней Руси. Повесть временных лет. М., 2006.
3. *Зализняк А.А.* Древнерусские энклитики. М., 2008.
4. *Кибрик А.Е.* Связанные употребления лексемы САМ в русском языке // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сборник к 60-летию А.А. Зализняка. М., 1996. С. 494–509.
5. *Кибрик А.Е., Богданова Е.А.* САМ как оператор коррекции ожиданий адресата // Вопросы языкознания. 1995. № 3. М., 1995. С. 28–47.
6. *Лютикова Е.А.* Когнитивная типология. Рефлективы и интенсификаторы. М., 2002.
7. Повесть временных лет. Ч. 1: Текст и перевод / Подготовка текста Д.С. Лихачева; Пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950.
8. Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. Т. I: XI–XII века. СПб., 2000. С. 62–315.
9. Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908.
10. *Савельев В.С.* Изображение устной коммуникации в «Повести временных лет»: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2021.
11. *Урысон Е.В.* Словарная статья местоимения САМ: проблемы описания лексической многозначности // Теоретическая лингвистика и лексикография. Опыт системного описания лексики. М., 1995. С. 82–125.
12. *Янко Т.Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
13. *Янко Т.Е.* Интонация контраста, или минимальные пары фразовой просодии // В пространстве языка и культуры. Звук, знак, смысл: Сборник статей в честь 70-летия В.А. Виноградова. М., 2010. С. 136–148.

Victor Savelyev

THE WORD *САМЪ* IN THE STATEMENTS OF THE HEROES OF THE TALE OF BYGONE YEARS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article analyzes the use of the word *самъ* in the statements of chronicle heroes based on original dialogical fragments of The Tale of Bygone Years. The theoretical foundations of the study are based on research into the functioning of the word *сам(ъ)* in ancient Russian texts and modern Russian. We have established the meanings of the word *самъ* in the chronicle sayings. It is found that all cases of the use of *самъ* in chronicle statements are associated with its contrasting use, while this word forms a theme or rheme of the statement or takes the position of a

communicatively distinguished component as part of a theme or rheme. It is noted that the word *camб* is extremely rare used in an appropriate position. The main conclusions of the study are the establishment of the dependence of the use of the word *camб* on the communicative goals of the chronicle heroes to express this or that additional meaning associated with the communicative value of contrast, as well as the definition of the traditional nature of the use of the word *cam(б)* in the Russian language.

Key words: The Tale of Bygone Years; original dialogical fragments; direct speech; word *camб*.

About the author: *Victor Savelyev* — PhD, Associate Professor, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: alfertinbox@mail.ru).

References

1. Borisova E.G. Otrazhenie kommunikativnoj organizacii vyskazyvaniya v leksicheskom znachenii [Reflection of the communicative organization of the statement in the lexical meaning]. *Voprosy yazykoznavaniya*, 1990, № 2, 1990, pp. 113–120. (In Russ.)
2. Bugoslavskij S.A. *Tekstologiya Drevnej Rusi. Povest' vremennyh let*. [Textology of Ancient Russia. The Tale of Bygone Years] Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006. 656 p.
3. Zaliznyak A.A. *Drevnerusskie enklitiki* [Old Russian enclitics]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008. 280 p.
4. Kibrik A.E. Svyazannye upotrebleniya leksemy SAM v russkom yazyke [Related uses of the *CAM* lexeme in Russian]. *Rusistika. Clavistika. Indoevropeistika*. Sbornik k 60-letiyu A.A. Zaliznyaka. Moscow, Indrik Publ., 1996, pp. 494–509.
5. Kibrik A.E., Bogdanova E.A. *SAM* kak operator korrekcii ozhidaniy adresata [*CAM* as an operator for correcting the addressee's expectations]. *Voprosy yazykoznavaniya*, 1995, № 3. Moscow, 1995, pp. 28–47. (In Russ.)
6. Lyutikova E.A. *Kognitivnaya tipologiya. Refleksivy i intensifikatory* [Cognitive typology. Reflexives and intensifiers]. Moscow, IMLI RAN, 2002. 254 p.
7. *Povest' vremennyh let* [The Tale of Bygone Years]. Chast' pervaya. Tekst i perevod. Podgotovka teksta D.S. Lihacheva. Perevod D.S. Lihacheva i B.A. Romanova. Pod redakciej V.P. Adrianovoj-Peretc. Moscow–Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. 405 p.
8. *Povest' vremennyh let* [The Tale of Bygone Years]. Podgotovka teksta, perevod i kommentarii O.V. Tvorogova. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi*, T. I. XI–XII veka, St. Petersburg, Nauka, 2000, pp. 62–315.
9. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Tom vtoroj. Ipat'evskaya letopis'. Izdanie vtoroe. St. Petersburg, Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1908. 638 p.
10. Savel'ev V.S. *Изображение устной коммуникации в “Повести временных лет”* [Image of oral communication in “The Tale of Bygone Years”]. Diss. ... dokt. fil. nauk. Moscow, 2021. 659 p.

11. Uryson E.V. Slovarnaya stat'ya mestoimeniya *CAM*: problemy opisaniya leksicheskoj mnogoznachnosti [Dictionary entry of the pronoun *oneself*: problems of describing lexical polysemy]. *Teoreticheskaya lingvistika i leksikografiya. Opyty sistemnogo opisaniya leksiki*, Moscow, 1995, pp. 82–125.
12. Yanko T.E. *Kommunikativnye strategii russkoj rechi* [Communicative strategies of Russian speech]. Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur, 2001. 384 p.
13. Yanko T.E. Intonaciya kontrasta, il i minimal'nye pary frazovoj prosodii [Contrast intonation, or minimal pairs of phrasal prosody]. *V prostranstve yazyka i kul'tury. Zvuk, znak, smysl. Sbornik statej v chest' 70-letiya V.A. Vinogradova*. Moscow, YASK Publ., 2010, pp. 136–148.